

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КАМПАНИЯ СОЦИАЛИСТОВ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА

А.П. НОВИКОВ

*Саратовский
государственный
технический университет*

e-mail: novikov@rol.ru

Рассматриваются основные направления деятельности эсеровской эмиграции по организации политической кампании в защиту членов Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, преданных суду Верховного революционного трибунала в 1922 г., анализируются итоги и последствия данной кампании. Особое внимание уделяется освещению политико-идеологической деятельности лидера партии эсеров В.М. Чернова и возглавляемой им Заграничной делегации ПСР. Показано, что московский судебный процесс социалистов-революционеров вызвал со стороны социалистических партий и демократической общественности Западного широкое протестное движение, которое имело антибольшевистский характер и, в сущности, являлось первой международной кампанией против антидемократического политического режима в России.

Ключевые слова: Русское Зарубежье XX в., политическая история русской эмиграции, история российских политических партий, партия социалистов-революционеров, В.М. Чернов, социал-демократия, политический режим, тоталитаризм.

В общем потоке беженцев, вынужденных покинуть пределы России в 1918 - 1920 гг., немало было и тех, кто в течение многих лет самоотверженно боролся с самодержавием и не представлял будущее своей родины без демократии и социализма. Речь в данном случае идет о членах Партии социалистов-революционеров. Большая часть эмигрировавших эсеров осела в западноевропейских столицах. Париж стал местом сосредоточения главным образом правых и правоцентристских сил эсеровской эмиграции, а Прага и Берлин – тех, кто придерживался левоцентристских партийных позиций. «Парижские» эсеры группировались вокруг Н.Д. Авксентьева и А.Ф. Керенского, а «пражские» и «берлинские» – В.М. Чернова, возглавлявшего Заграничную делегацию, которая официально являлась полномочным представителем Центрального Комитета ПРС за границей. Несмотря на существенные разногласия между двумя этими течениями, бывали такие моменты, когда и правые, и левые, на время забыв о своих идейно-политических и тактических распрях и расхождениях, объединялись и выступали единым фронтом. Именно так произошло в 1922 г., когда главным направлением политической деятельности всей эсеровской эмиграции стала мобилизация зарубежного общественного мнения против готовившейся большевиками расправы над видными российскими деятелями Партии социалистов-революционеров, не один год томившихся в советских тюрьмах.

Как свидетельствуют недавно опубликованные документы, политическое решение о предании суду Верховного трибунала заключенных эсеров было принято на пленуме ЦК РКП (б) 28 декабря 1921 г.¹ Причем изначально будущий судебный процесс замыслился как массовый и показательный, как важное средство дискредитации руководства эсеровской партии в глазах российских трудящихся и международного общественного мнения. Тем самым планировалось завершение беспощадной борьбы на уничтожение – политическое и физическое – сильной и реальной оппозиции большевистской власти в лице эсеровской партии.

В центральных партийно-советских газетах «Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров» появилось от имени ГПУ и с санкции Политбюро ЦК РКП (б) 28 февраля 1922 г. До заграничных эсеров весть о намерении большевистской власти начать судебный процесс дошла 2 марта 1922 г. С этого момента со всей очевидностью стало ясно подлинное предназначение брошюры бывшего эсера Г.И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-

¹ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С.147.

1918 г.», опубликованной в Берлине в конце февраля 1922 г. Именно материалы этой брошюры и показания бывшей эсерки Л.В. Коноплевой, написанные под диктовку органов ГПУ, легли в основу предъявленного партии эсеров обвинения.

Первым против предателя и агента ГПУ Семенова выступил В.М. Чернов со статьей «Иудин поцелуй», которая была опубликована 25 февраля в эсеровской газете «Голос России», выходящей в Берлине. Обрисовав неприглядный морально-политический облик автора брошюры, Чернов дал резкую отповедь содержащимся в брошюре инсинуациям². При этом мысль о «сверхзадаче» семеновского «творения» – послужить основанием для инспирирования судебного процесса, – по всей видимости, даже не приходила в голову в силу абсурдности такого процесса с правовой точки зрения.

Ответом на статью Чернова стала пространная публикация под названием «Политическая помойка (К характеристике партии соц.-рев.)», напечатанная 26 февраля в газете «Новый мир» за подписью М. Петрова. Построенная на обширном цитировании брошюры Семенова, статья содержала грубые выпады в адрес ЦК ПСР и особенно В.М. Чернова, которого автор именовал «Иудушкой» и причислял к числу «наемных убийц», «негодяев» и «политических проститутков». Чернов обвинялся в стоворе с русской буржуазией и высшим духовенством, якобы пытавшихся в борьбе с большевиками «опереться на немецкие штыки», в получении от них и иностранной буржуазии денег на подготовку террористических актов против советской власти.

Реакция заграничных эсеров на публикацию Петрова последовала незамедлительно. На заседании Заграничной делегации 1 марта 1922 г. было решено поддержать инициативу Виктора Михайловича обратиться в берлинский суд с иском к газете «Новый мир» за распространение клеветы³. В этот же день газета «Голос России» напечатала «Открытое письмо» Чернова⁴, разоблачавшее пробольшевистскую деятельность «Нового мира», и его заявление о намерении привлечь редакцию газеты к судебной ответственности⁵.

Таким образом, В.М. Чернов, сам того не ведая, своими выступлениями против лжесвидетельств Семенова и «Нового мира» нанес весьма ощутимый удар по начавшейся было за границей большевистской пропагандистской кампании, призванной дискредитировать пребывавших за рубежом эсеровских лидеров и сослужить идеологическим прикрытием готовившегося судебного процесса против социалистов-революционеров.

7 марта 1922 года по решению ЗД ПСР была организована специальная комиссия, которая стала центром по сбору материалов, относившихся к предстоявшему процессу, и по рассылке таковых зарубежным группам ПСР, социалистическим и рабочим лидерам, партиям и организациям, средствам массовой информации и германскому телеграфному агентству. Уже через пару дней комиссия передала в телеграфное агентство для распространения по 244 адресам два подготовленных Черновым от имени ЗД ПСР воззвания, в которых содержался призыв к международному социалистическому движению возвысить свой голос в защиту российских социалистов-революционеров и предотвратить готовившуюся расправу над российскими социалистами⁶.

Насколько эффективными были меры, предпринятые зарубежными эсерами уже в первый месяц развернутой ими пропагандистской кампании в защиту своих соратников, свидетельствуют многочисленные протесты против преследования российских эсеров, поступавшие от зарубежных социалистов, трудящихся, представителей интеллигенции. Протесты направлялись в адрес ЗД ПСР, председателя Совнаркома В.И. Ленина, советского правительства, наркоматов иностранных дел и юстиции, в адрес Коммунистического Интернационала. Только за вторую половину марта 1922 г. свое возмущение действиями большевистской власти высказали 14 зарубежных социалистических партий, 10 рабочих организаций и профсоюзных объединений, Второй, Венский и Амстердамский Интернационалы, Лига в защиту прав и свобод человека, видные деятели международного

² См.: Чернов В. Иудин поцелуй // Голос России. 1922. 25 февраля; Революционная Россия. 1922. № 16 - 18. С. 11 - 12.

³ См.: Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection (далее – HIA NC). Box 9. Folder 8.

⁴ См.: Чернов В. «Невольникам своего ремесла». Открытое письмо // Голос России. 1922. 1 марта.

⁵ См.: Чернов В. Заявление о привлечении редакции газеты «Новый мир» к судебной ответственности за клевету // Там же.

⁶ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 813 - 819.

социалистического и рабочего движения – Э. Бернштейн, К. Каутский, Ф. Туратти, А. Гендерсон, а также известный французский писатель Анатолий Франс, всегда сочувственно относившийся к Советской России⁷. В.М. Чернов отмечал: «Список протестующих коллективных и единоличных голосов затоплял страницы наших газет и бюллетеней. По всему миру пронеслась буря нравственного негодования, от которого диктаторской кучке, занявшей Кремль, стало беспокойно. Она привыкла дотоле своей умелой демагогией и пропагандой пожинать симпатии, привыкла обзаводиться во всех странах «попутчиками» из людей идейных, но лишенных должной устойчивости и политического равновесия. А тут стало получаться впечатление, что вся тонко организованная многолетняя работа просоветской пропаганды может быть стерта, как стирается мокрой губкой запись мелом на грифельной доске»⁸.

Действенную солидарность с партией социалистов-революционеров как в России, так и за рубежом продемонстрировала и РСДРП. Она полностью поддержала борьбу эсеровской партии с террором, развязанным большевиками против российских социалистов. «Здесь, – отмечал член ЗД ПСР В.М. Зензинов, – мы работаем в этом вопросе в полном контакте с меньшевиками, и они делают большую работу у независимых (*Независимая социал-демократическая партия Германии – А.Н.*)»⁹. Справедливость этого замечания подтверждает тот факт, что накануне созыва Международной социалистической конференции делегаций от трех Интернационалов, на которой предусматривалось обсудить условия образования единого рабочего фронта против наступления капитала на права трудящихся, зарубежные меньшевики и эсеры провели совместное совещание с целью выработки общей позиции на предстоящей конференции. В ходе обсуждений было решено, что вопрос о спасении жизни арестованных эсеров должен быть одним из главных на Международной конференции в Берлине. При этом В.М. Чернов заявил, что эсеры готовят по данному вопросу специальный меморандум¹⁰.

Представленный Конференции трех Интернационалов эсеровский меморандум имел, прежде всего, пропагандистскую направленность и был рассчитан в первую очередь на то, чтобы показать международному социализму подлинное лицо большевистской диктатуры и вызвать еще более активное давление на советское руководство со стороны западного общественного мнения в вопросе о суде над социалистами-революционерами. Более трех с половиной тысяч экземпляров меморандума Заграничная делегация разослала по рабочим и социалистическим организациям Европы и Америки, а 50 экземпляров было распространено среди участников Берлинской конференции уже в первый день ее работы¹¹.

Международная социалистическая конференция работала в Берлине 2 – 5 апреля 1922 г. В качестве гостей на конференции присутствовали члены ЗД ПСР В.М. Чернов, В.М. Зензинов и В.В. Сухомлин. На первом же заседании представители Второго и Венского Интернационалов подняли «русский вопрос» и выдвинули большевикам ряд требований, которые во многом были созвучны эсеровскому меморандуму. К.Б. Радек и Н.И. Бухарин резко протестовали. Однако в ходе дальнейших дискуссий, переговоров и консультаций стороны пошли на взаимные уступки и в результате приняли общую декларацию, провозглашавшую необходимость образования единого рабочего фронта и проведение всемирного рабочего конгресса. При этом одним из условий будущего сотрудничества социалистов и коммунистов в борьбе против капитала должно было стать выполнение обязательств, взятых на себя большевиками в отношении привлеченных к суду эсеров. Конкретно речь шла о том, что к процессу социалистов-революционеров будут допущены все, желательные обвиняемым, защитники; вынесение смертного приговора в этом процессе должно быть исключено; в качестве слушателей, с правом получения стенографических отчетов всего процесса, допускаются представители всех трех Интернационалов¹².

После Берлинской конференции для зарубежных эсеров наступил новый этап их протестной кампании – организация защиты своих соратников на суде. Заграничная де-

⁷ См.: Единый фронт // Революционная Россия. 1922. № 16 -18. С. 56.

⁸ НИА NC. Box 383. Folder 1.

⁹ Там же. Box 9. Folder 18.

¹⁰ См.: Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С-Р. Amsterdam, 1989. С. 602 – 607.

¹¹ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 820 - 841, 846.

¹² См.: Сухомлин В.В. Итоги Берлинской конференции // Революционная Россия. 1922. № 19. С. 29 - 36; Отчет о Берлинской конференции трех Интернационалов // Там же. С. 36 - 42.

легация проделала большую организационную и техническую работу: велась обширная переписка с зарубежными социалистическими партиями и международными социалистическими объединениями, состоялось несколько встреч эсеровских представителей с Ф. Адлером, Э. Вандервельде, Д. Макдональдом и другими лидерами рабочих и социалистических партий Запада, шли поиски источников финансирования для поездки в Москву иностранных адвокатов-социалистов, готовился для защиты необходимый материал. К середине мая 1922 г. удалось сформировать группу защитников, которая вскоре была отправлена на московский процесс. В нее вошли авторитетные деятели международного рабочего и социалистического движения Э. Вандервельде, А. Вотерс, Т. Либкнехт и К. Розенфельд.

Судебный процесс, начавшийся 8 июня 1922 г., продолжался два месяца. Но уже во второй день слушаний председатель Верховного трибунала официально заявил, что берлинское соглашение трех Интернационалов относительно судебного процесса не имеет для Верховного трибунала формально обязательной силы в виду отсутствия соответствующих указаний со стороны ВЦИК. В этой связи ведение и возможность получения некоммунистическими представителями стенограмм процесса не продержались дольше нескольких заседаний, трем адвокатам эсеров от ЦК РСДРП отказали в праве участвовать в судебном процессе, в самом суде и по всей стране была инспирирована оголтелая антиэсеровская кампания с требованием смертной казни для обвиняемых и организована настоящая травля иностранных защитников.

Зарубежные эсеры совместно с меньшевиками вновь апеллировали к совести международного пролетариата. В обращении «К социалистическим партиям и рабочим организациям» они заявили: «Мы, представители всех российских социалистических партий объявляем международному пролетариату: готовится неслыханное преступление, сопряженное с неслыханным нарушением честного слова со стороны людей, называющих себя революционерами. Совершается неслыханное издевательство над единодушно выраженной волей международного пролетариата. Во имя социалистической солидарности, во имя будущего русской революции требуем от всех социалистических партий и рабочих организаций немедленного принятия всех мер, которыми они располагают, для предотвращения этого преступления»¹³.

Среди демократических и социалистических сил Европы и Америки данное обращение и начавшийся судебный процесс вызвали новую мощную волну солидарности с российскими социалистами, международная антибольшевистская кампания получила новое дыхание и новый размах. Не было, пожалуй, ни одной социалистической партии, которая бы не выразила в той или иной форме свое негодование по поводу московского процесса. Протестным движением были охвачены десятки рабочих организаций, многие общественные деятели, писатели и ученые¹⁴. Особо большое значение имели протесты таких лиц, как А. Эйнштейн, А. Риль, Р. Гильфердинг, Г. Зудерман, А. Олар, А. Франс, А. Барбюс, Р. Роллан, Г. Уэллс, М. Горький. Вспоминая те дни, В.М. Чернов писал: «Как только был намечен этот злощастный процесс, все мы, деятели партии, оказавшиеся за границей, решили приложить все наши усилия к тому, чтобы мобилизовать против него весь духовный авангард и моральный цвет цивилизованного мира. <...> И понемногу все образованные слои Европы втянулись в ход процесса, ждали новостей о нем, трепетали нервами от ожидания и все громче реагировали на вести из Москвы, не укладывавшиеся в нормы правосознания современного человечества. Все отзывы, все отклики сливались в гул всесветного морального протеста против неслыханной пародии на правосудие. Мировая совесть отказывалась с ним мириться»¹⁵.

Безусловно, основная заслуга в организации и координации широкого и мощного протестного движения принадлежала возглавляемой Черновым Заграничной делегации ПСР, чей авторитет среди зарубежных социалистических и рабочих организаций в 1922 г. заметно вырос и окреп. При этом исключительно важную роль в правдивом информировании западного общественного мнения, пропаганде и агитации играли зарубежные эсеровские периодические издания левоцентристского направления.

¹³ Социалистический вестник. 1922. № 12. С. 13.

¹⁴ Подробнее см.: Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 86 - 96; Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 - 1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 245 - 274.

¹⁵ НИА NC. Box 383. Folder 1.

Главенство здесь принадлежало ежедневной газете «Голос России», помещавшей на своих страницах все поступающие в ЗД ПСР материалы о ходе судебного процесса: многочисленные корреспонденции, телеграммы, отклики, стенографические отчеты. По справедливому замечанию В.М. Чернова, газета стала «первоисточником для осведомления всей мировой прессы» о творившемся в Москве «беспримерном издевательства над самыми основами права»¹⁶. Немаловажное значение в развернувшейся антибольшевистской кампании имели издаваемая И.А. Рубановичем на французском языке газета «Народная трибуна» и выходивший в течение четырех месяцев на пяти языках (немецком, французском, английском, итальянском и еврейском) ежедневный бюллетень «Социалист-революционер», дававший оперативную информацию о ходе судебного процесса и о положении социалистов в России. Свою лепту в разоблачение подлинных причин обрушившихся на эсеров массовых репрессий внесли и такие повременные издания, как «Воля России» и «Революционная Россия». Так, из восьми черновских публикаций, появившихся в это время на страницах «Революционной России», особый интерес в контексте рассматриваемого вопроса заслуживает его статья «Лицом к лицу», в которой автор сделал, что называется по горячим следам, два принципиально важных вывода.

Первый касался глубинных мотивов и сущности задуманного и проведенного большевиками антисеровского процесса. Чернов указывал, что московский процесс явился своего рода кульминацией многолетнего противоборства большевиков и социалистов, за которым стояли разные представления о моделях общественного развития России – коммунистически-тоталитарной и социалистически-демократической. Насилием и террором пришедшие к власти большевики пытались уничтожить и самих носителей идей демократического социализма, и сами идеи, и социально-политическую базу, являвшуюся питательной средой этих идей, чтобы в конечном итоге беспрепятственно навязать российскому народу пути и методы реализации собственной модели общественного устройства¹⁷.

Второй имел преимущественно прогностический характер, предсказывавший неизбежное и полное банкротство большевизма в глазах европейского пролетариата и западного общественного мнения в силу его органической несовместимости с «душой» социализма – истинной демократией. Чернов пророчески замечал: «И когда-нибудь – когда в Западной Европе среди пролетариата растают и рассеются последние остатки когда-то шумевшей «большевистской легенды», последние пережитки расцветенного народной молвой красного мифа о русском коммунизме, когда поймут, какой жестокой насмешкой и издевательством над пролетарскими чаяниями был режим Совнаркома – тогда поймут, как много сделал для просветления сознания европейских рабочих масс этот мощный голос строгой и гордой революционной совести, звучащей миру со скамьи подсудимых московского верховного трибунала»¹⁸.

Донести правду о большевизме до западного общественного мнения, способствовать развенчанию имиджа большевиков как борцов за интересы социализма и демократии в глазах зарубежных социалистов и коммунистов были призваны и две обличавшие большевистский режим книги, изданные ЗД ПСР в 1922 г., – «Че-Ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» и «Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве».

Сборник «Че-Ка» состоял из 12 документальных очерков, повествовавших о кровавых преступлениях как центральных, так и местных органов ВЧК в 1919 – 1921 гг. Причем авторы сборника не понаслышке, а на своем личном опыте познали все многообразие изуверски-коварных и беспощадных методов и средств, использовавшихся красной охранкой против политических противников РКП (б) и всех инакомыслящих. Данное обстоятельство придавало книге особое звучание и существенно усиливало ее разоблачительную мощь. Предисловие к сборнику было написано В.М. Черновым. Анализируя природу имманентно присущего большевистской системе управления «военно-диктаториального начала», он подчеркивал: «Большевистский режим, вытравивший из социализма самую душу его – свободу и оставивший от него только бездыханный разлагающийся труп – коммунистическую каторгу, в чрезвычайных случаях имеет свое неизбежное логическое дополне-

¹⁶ НИА NC. Box 383. Folder 1.

¹⁷ См.: Чернов В.М. Лицом к лицу // Революционная Россия. 1922. № 20. С. 31.

¹⁸ Чернов В.М. Лицом к лицу // Революционная Россия. 1922. № 20. С. 32.

ние. Кто хочет сохранения этого режима, но уничтожение ужасов чрезвычайки – тот хочет католицизма без папы, империализма без войны, самодержавия без зубатовщины»¹⁹.

Другую книгу – «Двенадцать смертников» – ЗД ПСР издала в октябре 1922 г. на пяти языках: русском, чешском, французском, английском и немецком. В книге в популярной форме освещались цель, подготовка, ход и итоги судебного процесса эсеров. Среди российской эмиграции и зарубежных социалистов эта книга вызвала не меньший интерес, чем «Че-Ка».

Вводная статья принадлежала одному из авторитетнейших лидеров международного социализма Карлу Каутскому, что уже само по себе придавало книге особый политический вес. А оценки, данные Каутским большевизму (он называл его бонапартистским режимом) и самому судебному процессу, безусловно, способствовали разоблачению попыток большевиков выдать себя за поборников социализма и демократии. «Московский процесс, – писал Каутский, – был отчаянной попыткой большевиков опорочить в глазах русского пролетариата и вместе с тем всего мира их самых опасных в настоящее время противников, представив их как пособников контрреволюции, и вернуть коммунизму утерянные им симпатии пролетариата. Этот процесс проигран большевизмом. Не подсудимые, а обвинители, судьи и их наемники вышли из этого процесса осужденными в глазах России и за пределами ее, заклеятыми, преданными глубочайшему презрению»²⁰.

Свою роль в зарубежной антибольшевистской кампании сыграли и «Воспоминания о советских тюрьмах» О.Е. Колбасиной, второй жены В.М. Чернова. Небольшая по объему, но полная драматизма книжка эта повествовала о пятнадцати месяцах тюремного заключения, проведенных ее автором в чекистских застенках. Книжка вышла в Париже в 1922 г., ее издание было осуществлено на средства парижской группы эсеров, и она тем самым стала одним из вкладов правых эсеров-эмигрантов в общее дело борьбы против преследований российских социалистов.

Парижская группа правых эсеров, хотя и не столь активно, как члены левоцентристской ЗД ПСР, с самого начала антиэсеровской кампании большевиков встала на защиту своих российских соратников. М.В. Вишняк свидетельствовал: «Эти события всех нас захватывали политически, а некоторых к тому же лично. <...> Различия во взглядах и в принадлежности к разным группировкам отступали на задний план перед напряженным стремлением каждого сделать все возможное для облегчения судьбы большевистских жертв»²¹. Наиболее активными из правых и правоцентристов были Е.К. Брешко-Брешковская и А.Ф. Керенский, подключившие все свои личные связи и знакомства, чтобы мобилизовать западное общественное мнение против готовившейся большевиками расправы над видными деятелями ПСР.

Итак, инициированная Заграничной делегацией во главе с В.М. Черновым международная кампания против массовых преследований социалистов в России вылилась в мощное протестное движение, охватившее широкие зарубежные демократические и социалистические круги. Катализатором этого движения стала резко негативная реакция на судебный процесс социалистов-революционеров – первый по времени показательный процесс, инспирированный и разыгранный большевиками против своих политических противников. Именно широкое протестное движение на Западе не позволило большевистскому режиму осуществить немедленную кровавую расправу над осужденными. Так, нарком иностранных дел Чичерин сообщал из Берлина в ЦК РКП (б): «Из всех крупных стран сочувствующие нам элементы предупреждают, что в случае казни некоторых эсеров, все отшатнется от нас, и наши ярые враги будут свободно действовать против нас, будет открыт путь самой агрессивной политике против Советской России»²². А Бухарин, один из организаторов и руководителей процесса, спустя 13 лет в частной беседе с меньшевиком Б.И. Николаевским говорил: «Да, нужно признать, что вы, социалисты, сумели

¹⁹ Чернов В.М. Кровавые психозы. (Вместо предисловия) // Че-Ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 18.

²⁰ Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. С. 11, 13.

²¹ Вишняк М.В. Годы эмиграции. 1919 - 1969. Париж - Нью-Йорк. (Воспоминания). Stanford, 1970. С. 89.

²² Там же. С. 300.

тогда поставить на ноги всю Европу и сделать невозможным приведение в исполнение смертного приговора над эсерами»²³.

Смертный приговор все же был вынесен: 7 августа 1922 года Верховный трибунал приговорил 12 из 22 представших перед судом эсеров к расстрелу. На следующий день постановлением Президиума ВЦИК приговор был утвержден, но его исполнение решено было приостановить с тем условием, что партия социалистов-революционеров должна отказаться от активных, прежде всего, террористических выступлений против советской власти. Большевики квалифицировали свой приговор как применение принципа условного осуждения, фактически же они сделали из «смертников» бессрочных заложников.

И хотя смертных казней не последовало, так называемое условное осуждение, как и итоги процесса в целом, были встречены на Западе как издевательство над правосудием. Борьба за жизнь осужденных эсеров продолжалась.

С осени 1922 года вплоть до 1926 года эта тема не сходила со страниц зарубежных эсеровских изданий, к ней нередко обращались печатные органы западноевропейских социалистических и рабочих организаций. Запросы о положении осужденных, протесты против условий их содержания в тюрьмах и ссылке постоянно поступали от зарубежных социалистов в советские полпредства по всей Европе. Заграничная делегация ПСР искусно поддерживала неослабевавший интерес западного общественного мнения к судьбе «двенадцати смертников» и других видных деятелей ПСР, продолжавших пребывать в советских тюрьмах в тяжелейших условиях.

Так, в конце февраля 1923 г. в эмигрантских газетах распространилась информация о том, что Н.В. Крыленко якобы заявил о готовности временно выпустить некоторых осужденных эсеров за границу для поправления здоровья, но с одним условием: их место в тюрьме должны занять находившиеся за рубежом видные деятели ПСР. И хотя данная информация не подтверждалась никакими официальными сообщениями, она стала основой целой серии публичных заявлений со стороны зарубежных эсеров. Пребывавшие за границей лидеры ПСР – В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, С.П. Постников, Н.С. Русанов, В.М. Чернов, Г.И. Шрейдер и другие – заявили о своем желании пойти на такой обмен, если от советского правительства будет на то официальное предложение²⁴.

От имени Заграничной делегации В.М. Чернов составил открытое обращение к «трем интернациональным объединениям социалистического рабочего класса», которое 25 февраля 1923 г. появилось в эмигрантской газете «Дни», а затем было перепечатано в «Революционной России»²⁵. Зарубежные эсеры, подтвердив свою готовность стать заложниками за осужденных, просили международные рабочие и социалистические организации вступить в переговоры с Москвой об условиях обмена. Безусловно, данное заявление было не только эффективным пропагандистским ходом, но и актом неподдельного, настоящего мужества эсеров-эмигрантов.

Настоящий переполох у кремлевских властителей вызвало самоубийство одного из 12 «смертников», члена ЦК ПСР С.В. Морозова, который добровольно ушел из жизни 20 декабря 1923 г. Смерть Морозова была расценена политическими противниками большевиков как жертвенный подвиг, как самораспятие во имя других, как протест смертью, что грозило власти новыми и серьезными осложнениями в международных делах. В значительной мере для того, чтобы предотвратить очередную волну антибольшевистского движения за рубежом или хотя бы не позволить ей подняться в полную силу, ВЦИК в январе 1924 г. отменил смертные приговоры осужденным по процессу 1922 г. и назначил им пятилетние сроки тюремного заключения с последующей высылкой в отдаленные районы страны.

Ясно, что большевистский режим без непрекращавшихся протестов самих осужденных, самоотверженно боровшихся в тюремных застенках за свои права политзаключенных, без усилившихся в связи с судебным процессом антибольшевистских настроений в стране и без опасения оказаться окончательно изолированным от международного социалистического движения вряд бы пошел на подобные уступки. В.М. Чернов совершенно справедливо подчеркивал: «Заграничная делегация с честью выдержала свою миссию – охвата всего цивилизованного мира энергией своей агитации»²⁶. К этому следует добавить, что зарубежные эсеры постоянно

²³ Цит. по: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 90.

²⁴ См.: Дни. 1923. 24, 25 февраля.

²⁵ См.: Революционная Россия. 1923. № 26 - 27. С. 38-39.

²⁶ НИА НК. Box 383. Folder 1.

поддерживали своих осужденных товарищей и материально – слали им и их семьям денежные переводы, посылки с продовольствием и предметами первой необходимости.

Таким образом, ценой неимоверных усилий эсеровская эмиграция смогла добиться некоторых успехов в неравной борьбе с большевистской властью. Московский судебный процесс не только не дискредитировал эсеров в глазах демократических и социалистических сил европейских стран, на что рассчитывали большевики, но и имел прямо противоположный результат – рост известности и авторитета эсеровской партии в рядах международного социалистического и рабочего движения. В европейских социалистических и демократических кругах начало складываться более трезвое и адекватное представление о большевизме как о социальном явлении и политической практике. А иницированная эсерами-эмигрантами международная кампания в защиту российских социалистов по своей сути явилась первой ширококомасштабной акцией объединенных сил мирового социализма против одной из нарождавшихся форм тоталитаризма.

THE FIRST INTERNATIONAL POLITICAL CAMPAIGN OF SOCIALISTS AGAINST BOLSHEVIK REGIME

The article deals with the main stream activities of Russian émigré socialist revolutionaries in organizing political campaign for defending the members of the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party, prosecuted to the Supreme Court of Revolutionary tribunal in 1922; it analyzes the results and consequences of this campaign. Special attention is paid to the description of political and ideological activities of V.M. Chernov – the leader of socialist revolutionaries, and Foreign Delegation of SR party headed by him. It shows that Moscow hearing of the case over socialist revolutionaries caused a great protest in the West socialist parties and democratic community, which had anti-Bolshevik character and, in essence, was the first international political campaign against anti-democratic political regime in Russia.

A.P. NOVIKOV
*Saratov State Technical
University*

e-mail: novikov@rol.ru

Key-words: Russian Foreign Community of the XX century, political history of Russian emigration, the history of Russian political parties, the Socialist Revolutionary Party, V.M. Chernov, Social Democracy, bolshevism, political regime, totalitarianism.